

(с. 395). Как доказано в работе, это были не органы правосудия в прямом смысле: их деятельность была направлена на сохранение в тайне всех беззаконий, творившихся в лагерях. Именно они помогали лагерной администрации поддерживать на нужном уровне «дисциплину». По подсчетам автора, лагерные суды осудили около 200 тыс. человек (с. 419). Они были «чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрилагерного режима и в конечном итоге служили одной из опор сталинского режима» (с. 419).

В заключение немного статистики. По подсчетам автора, максимальный уровень концентрации заключенных в местах лишения свободы отмечался летом 1950 г., когда там содержалось более 2,8 млн заключенных. Такое же число граждан находилось в ссылке и на спецпоселении. Всего же за 40-летнюю историю ГУЛАГа через лагеря, колонии и тюрьмы прошло более 20 млн человек, каждый пятый из которых был осужден за так называемые контрреволюционные преступления (с. 423).

Монография Г. М. Ивановой, результат многолетнего кропотливого труда, имеет большое научное и общественное значение, представляет собой оригинальное, во многом новаторское исследование, развивающее и обогащающее отечественную историографию. Еще одно бесспорное достоинство книги — хороший литературный язык, благодаря чему с ней могут познакомиться не только специалисты, но и все, кого интересует прошлое нашей Родины, в том числе одна из его трагических страниц — история ГУЛАГа.

*С. Н. Базанов, д. и. н.
(Москва)*

**Е. Ю. Зубкова. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М.:
Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН);
Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 351 с.**

Солидарность рецензента с оценками последней по времени монографии Е. Ю. Зубковой «Прибалтика и Кремль. 1940–1953» возникла с первых же страниц книги, когда речь зашла о символических «балтийских» ассоциациях советской эпохи. Ныне, конечно, ассоциативный ряд видоизменился под влиянием новых геополитических реалий и современного «балтийского» дискурса. Демократические перемены в ряде стран Прибалтики неожиданно обернулись этнократическим реваншем и появлением на задворках Евросоюза далеко не политкорректных систем «балтапартеида», практикующих к своим «не гражданам» и гражданам дискриминационные нормы по этнолингвистическому принципу. Неоднозначный процесс исторической самоидентификации прибалтийских этносов, не лишенный определенных моральных издержек, а также «историческая» дипломатия прибалтийских государств стали в последнее десятилетие регулярным раздражителем для российской стороны. Вполне справедливо академик А. О. Чубарьян осуждает тенденцию политизации истории, характерную для Латвии^I, правда, слова именитого историка заставляют задуматься над тем, а не наблюдаются ли аналогичные процессы в самой России. К сожалению, реакция Москвы, порою запоздалая, не всегда прагматичная или последовательная, гораздо ощутимее влияет не на официальный Таллинн или Ригу, сколько на условия работы российских гуманитариев. Достаточно вспомнить историю с документальным сборником «СССР и Литва в годы Второй мировой войны»^{II}, кото-

^I Чубарьян А. О. Нельзя делать историю заложницей современной политики // Известия. 2006. 13 сентября.

^{II} СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская республика. Март 1939 – август 1940 гг. Сборник документов / Сост. А. Каспаравичюс, Ч. Лауринавичюс, Н. Лебедева. Vilnius, 2006.

рый, по ряду причин, стал малодоступным для отечественных ученых. Именно поэтому вызывает уважение стремление российских историков подняться над преходящей двусторонней конфронтацией и соблюсти в своих работах сугубо научный подход, включая принцип объективности.

Новая книга Е. Ю. Зубковой, органично дополнившая её предшествующие монографии¹, подытожила многолетнее исследование темы советизации прибалтийских государств в 1940–1953 годах^{II}. Первые десять лет советской истории Прибалтики, на которые пришлось кардинальные политические и социально-экономические преобразования советского типа, по мнению автора, явились ключевыми для понимания последующих отношений между Кремлем и прибалтийскими республиками. Стратегическая задача инкорпорации Прибалтики в советскую систему определила *кремлевскую* модель поглощения Литвы, Латвии и Эстонии с сопутствующим формированием республиканских элит коммунистического образца, которые были привлечены к управлению регионом, в том числе к подавлению общественного сопротивления политике советизации. Настоящий комплекс взаимосвязанных проблем находит свое решение в шести главах монографии «Прибалтика и Кремль».

Несмотря на тот факт, что советское правительство де-юре признало независимость Литвы, Латвии и Эстонии, большевики де-факто продолжали рассматривать буржуазные прибалтийские государства как исконные *советские* территории, утраченные в годы гражданской войны и интервенции, как своего рода «географические новости», не имевшие идеологического оправдания. Когда в конце 1930-х гг. возникла реальная возможность вернуть прибалтийские окраины, Сталин ею решительно воспользовался, правда, к тому времени стратегические соображения доминировали над собственно идеологическими.

Механизм вовлечения Прибалтики в орбиту влияния СССР был запущен на этапе международного кризиса 1939 года. Латвия и Эстония (пока без Литвы) рассматривались Кремлем как стратегическое предполье, чью безопасность предполагалось обеспечить совместными англо-франко-советскими гарантиями. Автор исследования полагает, что в Москве понимали под такими гарантиями советское военное присутствие в Прибалтике. Такой вариант советского проникновения в регион (политику «свободных рук») могла поощрить дискутируемая на переговорах правовая норма «косвенной агрессии» (с. 46). Автор, по-видимому, отчасти демонизирует экспансионистский потенциал настоящей формулы. Советское определение «косвенной агрессии» действительно было весьма сомнительным с точки зрения международного права и имело реальную тенденцию к ограничению суверенитета прибалтийских стран, но — при этом СССР должен был взаимодействовать с Лондоном и Парижем и заручиться согласием союзников, чтобы *сообща* противодействовать факту «косвенной агрессии» в регионе. К тому же действие формулы, в случае организации антифашистского блока, распространилось бы на самих контрагентов пакта, что стало бы дополнительной гарантией прибалтийским странам (как ни парадоксально, именно легитимация настоящей формулы могла облегчить юридиче-

¹ Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993; *Она же*. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.

^{II} Зубкова Е. Ю. Советский фактор в балтийском регионе: кадровая политика как механизм советизации (1944–1947 гг.) // Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000; *Она же*. Проблемная зона: особенности советизации республик Балтии в послевоенные годы. 1944–1952 гг. // Новый мир истории России: Форум японских и российских исследователей. М., 2001; *Она же*. Феномен «местного национализма»: «эстонское дело» 1949–1952 годов в контексте советизации Балтии // Отечественная история. 2001. № 3; *Она же*. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 годы // Отечественная история. 2004. № 4; *Она же*. Москва и Балтия: механизмы советизации Латвии, Литвы и Эстонии в 1944–1953 годах // Труды Института российской истории. Вып. 4. М., 2004; *Она же*. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2, 3; *Она же*. Советская власть в Прибалтике: опыт 1940 года // Проблемы российской истории. Вып. 8. М.; Магнитогорск, 2007.

скую квалификацию последующих действий советской стороны в 1939–1940 гг.). Так или иначе, полемика вокруг определения «косвенной агрессии» рассматривалась в Лондоне и Париже, а потом в Москве, как удобный повод для затягивания переговоров. Коалиционные переговоры зашли в тупик, и, в конце концов, балтийский периметр безопасности Кремль согласовал с Германией на базе разграничения сфер интересов в Восточной Европе. Автор отмечает, что обозначенная «сфера интересов» не исключала доступ СССР к незамерзающим морским портам Латвии и Эстонии, откуда советский военно-морской флот мог выйти на балтийский простор.

Последующее проникновение СССР в прибалтийские страны обеспечили договоры о взаимопомощи, которые Кремль посредством дипломатического давления и демонстрации военной мускулатуры навязал балтийским правительствам в сентябре-октябре 1939 г. Эти договоры были первым шагом в направлении инкорпорации балтийских стран в советскую «сферу интересов». Согласно документальной реконструкции автора, на момент подписания соглашений в Кремле считали установление советского режима в Прибалтике преждевременным и пока не располагали детальным планом советизации региона (с. 339). К тому же можно предположить, что на примере Прибалтики Сталин и Молотов стремились убедить несговорчивых финнов в беспочвенности опасений относительно советского военного присутствия. В условиях европейской войны договоры о взаимопомощи позволяли Кремлю контролировать ситуацию в Прибалтике, а в скором будущем они, по словам автора, предопределили советскую аннексию Литвы, Латвии и Эстонии (с. 45).

Приближение фазы континентальной гегемонии Германии поторопили Кремль укрепить военно-стратегические позиции страны на Балтике через присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к Советскому Союзу. С учетом настоящего фактора действия советского руководства по отношению к Прибалтике в 1940 г. в значительной мере были продиктованы прагматичными соображениями собственной безопасности в духе *Realpolitik*¹. Для дестабилизации обстановки в регионе Кремль озвучил сенсации об угрозе, исходящей от фиктивной «прибалтийской Антанты», а также воспользовался фактами мнимых «похищений» красноармейцев, расквартированных в Прибалтике. Советские ультиматумы, предъявленные Каунасу, Риге и Таллину, послужили исходной точкой решительного вмешательства Кремля во внутренние дела прибалтийских стран. Готовность Кремля использовать военную силу заставила прибалтийские правительства принять ультимативные требования Москвы. Капитуляция свела государственный суверенитет Литвы, Латвии и Эстонии до номинального.

В соответствии с московским сценарием, который, по замечанию Е. Ю. Зубковой, буквально «на ходу» сочинялся сталинскими эмиссарами А. А. Ждановым, А. Я. Вышинским и В. Г. Деканозовым и попутно корректировался в Кремле, вопрос о советизации и инкорпорации Прибалтики планировалось решить формально легитимным путем. Технология поглощения предполагала несколько последовательных фаз: 1) формирование новых просоветских балтийских кабинетов — так называемых «народных правительств»; 2) проведение дискриминационных парламентских выборов; 3) провозглашение лояльными парламентами советской власти с последующим запуском процедуры присоединения к СССР. В монографии детально и всесторонне разбирается каждая фаза. Важным представляется вывод о том, что «балтийская» схема (1939–1940 гг.), исключая, впрочем, конечную стадию присоединения к СССР, была позднее апробирована сталинским руководством на странах «народной демократии» (с. 339).

Таким образом, Е. Ю. Зубкова опровергает «курьезный» историографический «миф о «народных революциях» в Литве, Латвии и Эстонии и о «добровольном вхождении» бал-

¹ Наличие у сталинского руководства оснований опасаться нацистского проникновения в Прибалтику в дополнительный раз засвидетельствовали материалы, опубликованные генерал-майором Л. Ф. Соцковым: Прибалтика и геополитика. Сборник документов (1935–1945). Архив СВР. М., 2006.

тийских стран в состав СССР» (с. 44) (кстати, историк И. И. Минц, разделявший мнение о революциях 40-го года, однажды иронично прокомментировал внутрисоветскую полемику о характере социалистических революций в Прибалтике как «драку у Свифта между круглоголовыми и длинноголовыми»¹). С другой стороны, Е. Ю. Зубкова приходит к принципиальному наблюдению об известной предрасположенности региона к недемократической модели политического господства. На момент ультимативной дипломатии Кремля в прибалтийских странах существовали авторитарные режимы президентских диктатур Антанаса Сметоны, Карлиса Улманиса и Константина Пятса. В каждой из стран фактически сложилась однопартийная система, в рамках которой попирался политический плюрализм, отсутствовала действенная политическая оппозиция, практиковалась дискриминация по национальному признаку. Автор приходит к резонному выводу, что наряду с внешним диктатом авторитарная тенденция развития балтийских государств и политическая культура межвоенного периода также оказались естественной «предпосылкой» советизации региона (с. 31).

Государственные перевороты, по заключению Е. Ю. Зубковой, были закамуфлированы под «народные революции», что, однако, оставляет приоткрытым вопрос о мере соучастия населения прибалтийских стран политическим переменам 40-го года. Согласно авторской реконструкции, левое движение в Прибалтике не представляло сколько-нибудь заметной силы, и на какую-либо «массовую базу» в этих странах советскому режиму рассчитывать не приходилось. К тому же размещение советских военных гарнизонов способствовало формированию нелицеприятного образа «пришельцев» с востока¹¹. И, тем не менее, как отмечает сам автор, реакция литовцев, латышей и эстонцев на советское вторжение летом 40-го была *сдержанно-выжидательной* (с. 79). Думается, настоящая оценка общественной активности и политической позиции прибалтийского населения требует дополнительной аргументации. Когда осенью 1939 г. советские войска заняли восточные воеводства Польши, именно Красная Армия, чьи действия регламентировались «Полевым уставом», подразделения НКВД, а также тысячи особых уполномоченных, направленных на запад различными учреждениями, были основным инструментом советизации Западной Украины и Западной Белоруссии. В Эстонии, Латвии и Литве роль Красной Армии и советских делегатов была куда скромнее. Следовательно, летом 1940 г. советской стороне удалось заручиться временной поддержкой значительной части балтийского населения, которая, видимо, руководствовалась ситуационными настроениями.

Новые властные структуры, сменившие «народные правительства», и воссозданные балтийские компартии по указке Кремля определяют подходы к преобразованию конституционного строя, экономической и социальной системы прибалтийских республик на советский манер. Процесс «подключения» балтийского региона к советской системе, прерванный нацистской агрессией против СССР, получил свое продолжение в условиях распространения советского влияния на Восточную и Центральную Европу. Послевоенный курс Кремля, по мнению Е. Ю. Зубковой, имел свою стадийность. Примерно до середины 1947 г. Кремль пытался реализовать модель «осторожной советизации» региона, предполагавшую учет «национальных особенностей» и специфики развития Прибалтики. На данном этапе Москва стремилась избегать наиболее жестких методов обеспечения своего влияния в регионе, используя репрессии главным образом против вооруженной оппозиции, а задача коллективизации рассматривалась скорее как перспективная. С эскалацией «холодной войны» советизация Прибалтики проводилась уже с откровенным акцентом на унификацию региона по советским стандартам и силовыми методами, включавшими

¹ «Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И. И. Минца. М., 2007. С. 238.

¹¹ Документы и мемуары современников, наоборот, свидетельствуют о том, что до середины 1940 г. будничные и, кстати, намеренно ограниченные обеими сторонами контакты военных с населением, как правило, отличались взаимным интересом и доброжелательностью.

принудительную коллективизацию, массовые репрессии и депортацию балтийского населения.

Управление регионом Кремль перепоручил национальным коммунистическим элитам, конституирование которых пришлось на 1940 г. и 1944 г. Кандидаты на ключевые посты в структурах власти, по мнению Е. Ю. Зубковой, должны были принадлежать к титульному этносу, состоять в компартии и пользоваться доверием Кремля, быть влиятельными и компетентными исполнителями. Представителей правящей прибалтийской элиты «первого призыва» автор условно разделила на три группы: 1) «коммунисты-нелегалы»; 2) «интеллектуалы»; 3) «русские прибалты». К первой группе относились бывшие революционеры, которые, как правило, не покидали родину до 1940 г. («подпольщики» Хендрик Аллик, Арнольд Веймер) или время от времени курсировали между Москвой и Прибалтикой («коминтерновцы» Янис Калнберзиньш, Антанас Снечкус, Карл Сяре). Национальное гражданство времен независимости, а также статус пострадавших обеспечивали им симпатии той части общества, которая критически воспринимала прежние порядки. Настоящая категория лидеров, особенно бывшие «подпольщики», пыталась общаться с Москвой на равных и сочувствовала идеям национал-коммунизма.

«Русские прибалты» были представлены преимущественно латышами и эстонцами, которые исторически проживали в России (Йоханнес Кэбин, Алексей Мюрисепп). Как отмечает Е. Ю. Зубкова, благодаря своей социализации они оказались самым удобным «человеческим материалом» для проведения советизации региона. Чтобы не раздражать местное население, в чьем восприятии московские рекруты оказались этническими маргиналами, «русские прибалты» занимали во властных структурах в основном вторые и третьи позиции. Промежуточное положение в политической элите занимала группа «интеллектуалов», объединявшая представителей национальной интеллигенции — ученых и литераторов (Август Кирхенштейн, Вилис Лацис, Юстас Палецкис, Мечисловас Гедвилас, Йоханнес Варес-Барбарус, Ханс Круус). «Интеллектуалы» выступали как адепты национальных ценностей и одновременно проводниками советского влияния, к чему их побуждали левые убеждения. Автор предполагает, что такая дихотомия, в конце концов, привела к вымыванию большинства «интеллектуалов» из властных структур.

Неоднородность правящей элиты, личные качества и амбиции отдельных лидеров вызывали конфликтные ситуации внутри республиканского руководства. Порою клановые трения приводили к основательной ротации республиканских кадров. В монографии подробно рассматривается так называемое «Эстонское дело» (1949–1952 гг.), имевшее, по предположению Е. Ю. Зубковой, генетическую связь с «Ленинградским» (с. 303). Секретарь ЦК КП (б) Эстонии Йоханнес Кэбин обвинил конкурирующую группу «старых заключенных», проводившую компромиссную тактику на республиканском уровне, в притуплении политической бдительности и в мирном сожительстве с враждебными элементами. Кремль поддержал эти обвинения в «национализме» и санкционировал обновление республиканского ареопага. Ряд эстонских функционеров были привлечены к партийной и уголовной ответственности, в результате чего «старых заключенных» и «интеллектуалов» вытеснили «русские эстонцы» во главе с Кэбиным. Как отмечает автор, «эстонский» опыт не раз использовался Кремлем в дальнейшем, если вдруг в союзных республиках «обнаруживались» проявления «местного национализма» (с. 319).

Как показано в исследовании, коммунистические республиканские элиты, осуществляя свои управленческие функции, придерживались четкой субординации в отношениях с Кремлем. Значительная часть решений, утвержденных впоследствии в Москве, была результатом местной инициативы и нередко согласовывалась с посредническими структурами в виде Бюро ЦК ВКП (б) по Литве, Латвии и Эстонии, а потом — инспекторами ЦК ВКП (б). При этом республиканскому руководству приходилось лавировать между необходимостью четко следовать в фарватере Кремля и стремлением артикулировать национальный интерес в тех границах, которые были допустимы и безопасны в тех условиях. В борьбе за статус родного языка или при решении кадровых вопросов, согласно

Е. Ю. Зубковой, республиканские лидеры стремились минимизировать ущемление национальных интересов. От позиции прибалтийских лидеров также зависели масштабы полицейских акций, включая проведение массовых депортаций «неблагонадежных» и подавление вооруженного сопротивления режиму.

При освещении вопроса антикоммунистического повстанческого движения в Прибалтике Е. Ю. Зубкова дистанцируется от историографических штампов советского времени и частично порицает ангажированную прибалтийскую историографию и публицистику, подчищающих ныне историю антисоветского сопротивления от разного рода «неудобных» подробностей (с. 195). Анатомию настоящей проблемы автор раскрывает в отдельной главе «Война после войны: вооруженное сопротивление на территории Прибалтики».

Повстанческое движение, по мысли Е. Ю. Зубковой, было спровоцировано политической советизации Прибалтики. Сам феномен «лесного братства» стал активной формой отрицания советской действительности и своего рода способом выживания в условиях напоминавших ситуацию гражданской войны. Генезис вооруженной оппозиции в монографии представлен в виде цепной реакции, исходная точка которой — 1940—1941 годы. В ответ на открытый и до поры ненасильственный протест местного населения и, — добавим, — с учетом активизации германской разведки в регионе, Кремль прибегает накануне нацистской агрессии к привычному «профилактическому» ресурсу — массовым депортациям «социально чуждых элементов». Депортация аккумулировала антикоммунистические и антирусские настроения, одухотворив, таким образом, будущее повстанческое движение. Существенную услугу антисоветской оппозиции оказала нацистская Германия, мобилизовавшая прибалтийских инсургентов на вооруженную борьбу против СССР. В годы войны часть латышских и эстонских легионеров, воевавшая на восточном фронте в рядах вермахта и подразделений СС, составила костяк партизанского сопротивления. В Литве ядро будущей повстанческой армии организационно сложилось и было вооружено германскими оккупационными властями. В ответ на попытку переподчинить территориальные силы обороны немецкому командованию, литовские волонтеры дезертировали вместе с оружием, которое вскоре было обращено против Красной Армии и советского аппарата.

Социальный и топографический портрет повстанческого движения, нарисованный в монографии, выглядит как сложномотивированный, социально-неоднородный, но преимущественно крестьянский, локализованный в сельской местности, т. к. города оказались бастионами советской власти. В 1944–1946 гг. партизанское сопротивление приняло в регионе, особенно в Литве, интенсивный и массовый характер. Литовским партизанам удалось заручиться поддержкой католической церкви и создать организацию, руководящую антисоветским сопротивлением в национальном масштабе. Именно Литва превратилась в подлинную прибалтийскую Вандаю.

Борьба советского режима с антикоммунистической фрондой практически исключала компромиссы и отличалась обоюдно жестокостью. Автор исследования справедливо оговаривает, что рассуждения о том, чьи репрессивные санкции против населения — советские или повстанческие — были «более оправданными», помимо моральной ущербности, просто лишены смысла (с. 242). На первом этапе государство терроризировало население войсковыми операциями, арестами и показательными судебными процессами. Периодически проводились кампании по легализации бывших партизан. С 1947 г. преобладание получает тактика разложения антисоветского подполья чекистскими методами, более филигранными и не менее эффективными. С переходом к массовой коллективизации с её «кулацкой» компонентой, были проведены операции «Весна» и «Прибой», подорвавшие социальную базу партизанского движения и разрушившие связь между «лесом» и «хутором». Именно массовые депортации крестьян в 1949 г. стали, по мнению Е. Ю. Зубковой, роковыми для движения национального сопротивления в его насильственных формах. В целом же, государственные репрессии затронули около полумиллиона человек. С дру-

гой стороны, жертвами партизанского террора нередко становились, как свидетельствует статистика, случайные люди, оказавшиеся, по определению автора, между советским молотом и повстанческой наковальней (с. 243, 244). Партизаны зачастую действовали как обычные преступники, не брезгуя разбоем и грабежом. Только в Литве жертвы среди гражданского населения в 1,5 раза превышали потери повстанцев. Всего жертвами партизанской активности стали 15 тысяч человек.

Прибалтика, по точному замечанию автора, оказалась почти усмирённым, но отнюдь не лояльным регионом (с. 256). Антисоветское сопротивление, прежде всего в Эстонии, а следом в Литве и в Латвии, примеряется к тактике гражданского неповиновения. Послесталинское руководство, обеспокоенное ситуацией в Прибалтике, задумывается над необходимостью реорганизации системы управления регионом. Партийный и советский аппарат в Прибалтике во многом был представлен служащими силовых структур, да к тому же «пришлыми», к каковым также относились «русские» эстонцы, латыши и литовцы. Настоящие кадры зачастую недооценивали специфику региона и значение национального вопроса.

Инициатором «нового курса» в прибалтийских делах выступил министр внутренних дел СССР Л. П. Берия, предложивший провести коренизацию местного партийного и советского аппарата, а также — корректировку налоговой политики и методов коллективизации в Прибалтике. Соображения Берии, частично выходявшие за ведомственные рамки, отработывались по линии МВД и в аппарате ЦК КПСС, подконтрольном Н. С. Хрущеву. Прибалтийские проблемы стали рассматриваться как следствие пренебрежения национальной спецификой региона, экономических просчетов и огульной репрессивной практики. Советское руководство высказалось за более взвешенный учет национального фактора и отказ от репрессий, как ведущего инструмента советизации. В таком виде «новый курс» должен был стабилизировать ситуацию в Прибалтике.

В течение 1953–1956 гг. «классическая» общесоюзная модель инкорпорации балтийского региона сменяется на более «либеральный» проект превращения прибалтийских республик в подобие «советского Запада». Однако, у такого «экспозиционного» варианта, по убеждению Е. Ю. Зубковой, будущего тоже не было (с. 337). Отторжение советских порядков стало неотъемлемой частью общественного сознания многих литовцев, латышей и эстонцев, стало стимулом для консолидации прибалтийских народов в их стремлении восстановить утраченный государственный суверенитет.

Такова в целом концепция и важнейшие выводы исследования, подкрепленные широким кругом опубликованных источников и многочисленными архивными материалами из фондов РГАСПИ, ГАРФ и РГАНИ.

В дополнение позволю себе высказать несколько соображений о композиции монографии, а также об одном из центральных заключений исследователя.

В структуре исследования очевиден хронологический разрыв, связанный с отсутствием отдельной главы, посвященной событиям в Прибалтике в 1941–1944 гг. Ряд важных сюжетов о стремлении Кремля дипломатически урегулировать с союзниками балтийский вопрос в годы войны, а также о факторах распространения движения «лесных братьев», включены в другие разделы («Советская “зона влияния” и Прибалтика», «“Лесные братья”: кто они? Мотивы, состав, организация»). Однако тема этим, на наш взгляд, не исчерпывается. Нацистская оккупация с её отрицанием какой-либо видимости государственности Эстонии, Латвии и Литвы, с её режимом экономической дискриминации региона¹ и этническими чистками, с одной стороны, а также попытки Кремля и советского военного командования влиять на ситуацию в Прибалтике, с другой, вызвали новый виток дезориентации и раскола балтийского социума. Именно в условиях войны окончательно сложился «прибалтийский» комплекс проблем, повлиявший на последующий вариант «долгой» советизации региона и в целом на политическую судьбу Литвы, Латвии

¹ Автор оговаривает политику нацистских оккупантов по отношению к балтийским крестьянам (Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль... С. 167–168.)

и Эстонии. При таком подходе, военное лихолетье, превратившее советский эксперимент в Прибалтике, заслуживает отдельного рамочного изучения.

Из историографической триады оккупация – аннексия – советизация, принятой в зарубежной науке, автор исключил первый концептуальный элемент, наполнив последние конкретным содержанием и смыслом. На примере Эстонии, Латвии и Литвы, когда речь заходит о событиях 1939–1940 гг., по существу реконструируется механизм «косвенной агрессии» – той самой правовой нормы, которую французы и англичане заблокировали на коалиционных переговорах летом 39-го. Неоднократно автор использует понятия «советское вторжение» и советская «аннексия». В монографии подчеркивается, что «вторжение Советского Союза на территорию стран Балтии в июне 1940 г., даже несмотря на соблюдение известных “формальностей”, было противоправной акцией» (с. 99). В то же время на вопрос, можно ли оценивать советское вторжение как оккупацию и в силу этого считать установившийся в балтийских странах советский режим оккупационным, исследователь отвечает скептически. Со ссылкой на определение «оккупации военной», заимствованное из «Дипломатического словаря» (1986)^I, автор оценивает действия СССР как «военную оккупацию» по сути, но при этом оговаривает, что термин «оккупация» совершенно не соответствует ни долгосрочным планам Советского Союза относительно Прибалтики, ни реальному развитию событий в этом регионе (с. 100). Авторская позиция, завязанная на терминологической дисциплине 80-х гг. XX века, к тому же дозированной мидовскими специалистами с поправкой на сталинскую ревизию восточноевропейского пространства в 1939–1940 гг., чревата модернизацией прошлого и выглядит дискуссионной^{II}. Чтобы избежать историзма при квалификации советских действий в Прибалтике, следует опираться на международно-правовую мысль *межвоенного* и *военного* времени, включая её советскую школу (в разное время определения «оккупации» были предложены Е. А. Коровиным, Л. Н. Ивановым, Е. Б. Пашуканисом, К. Антоновым)^{III}. В 1930-е гг. советские правоведы, преодолевшие былое искушение революционной фразой, проводили различие между военной оккупацией и аннексией, однако к исходу десятилетия, под впечатлением территориальной экспансии Японии и Германии, они устанавливали логическую взаимосвязь между оккупацией и аннексией, рассматривая оккупацию как предварительную фазу аннексии, без которой аннексия становится невозможной. К примеру, в «Политическом словаре» (1940), к изданию которого были причастны А. Я. Вышинский и В. П. Потемкин (под псевдонимом Гальянов), под оккупацией понималось «заятие территории одного государства военными силами другого государства. Целью оккупации является либо захват чужой земли, либо давление на государство, с тем чтобы заставить его выполнить предъявленные ему требования. Оккупация обычно кончается полным присоединением (аннексией) оккупированной территории»^{IV}. Иными словами, аннексия трактовалась, как насильственное присоединение предварительно *оккупированной* территории. В любом случае, прозвучавшие в монографии авторские оценки можно приветствовать как повод к обстоятельной полемике по данному вопросу.

Новая монография Е. Ю. Зубковой еще раз подтвердила аналитические таланты и высокую источниковедческую культуру историка, включая её археографический такт

^I Дипломатический словарь. В 3-х т. Т. II. М., 1986. С. 299. Обзор современных подходов, касающихся трактовки «оккупации» и связанных с нею правовых норм, см.: Дэвид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М., 2000. С. 376–397.

^{II} Отметим также, что название главы 5-ой — «Политическая элита Прибалтики: между коллаборационизмом и национал-коммунизмом» — независимо от воли автора оборачивается признанием факта оккупации, без которого не представляется возможным сам феномен коллаборационизма.

^{III} Коровин Е. А. Современное международное право. М.; Л., 1926; Оккупация [Л. Иванов] // Энциклопедия государства и права. Т. 3. М., 1925–1927; Пашуканис Е. Б. Очерки по международному праву. М., 1935; Оккупация [К. Антонов] // Большая советская энциклопедия. Т. 42. М., 1939.

^{IV} Политический словарь / Под ред. Г. Александрова, В. Гальянова, Н. Рубинштейна. М., 1940. С. 386.

при использовании архивных сведений. Основательно документированный труд способствует концептуальному пониманию «прибалтийского» варианта советизации, принятой в СССР системы взаимоотношений республиканских и союзных структур, характера общественного сопротивления и т. п. Предложенная в книге модель изучения советских региональных элит вполне приложима к изучению доминантных групп в остальных союзных республиках, включая РСФСР. Необходимо отметить также литературные достоинства текста. Многие страницы читаются легко и не без увлечения. Наряду с работами ряда ученых (Ренальда Симоняна и др.) «Прибалтика и Кремль» относится к лучшим отечественным работам по новейшей истории Прибалтики, и, несомненно, настоящий труд Е. Ю. Зубковой будет тем научным аршином, которым будут оцениваться все последующие тематически близкие исследования. Напоследок добавим, что издательство РОССПЭН, открывшее монографией Е. Ю. Зубковой весьма перспективную серию «История сталинизма», задала остальным участникам проекта высочайшую научную планку, которую следовало бы выдержать.

*В. А. Токарев, к. и. н.
(Магнитогорск)*

Российское православие за рубежом: библиографический указатель литературы и источников: 1918–2006 гг. / Автор-составитель А. В. Попов. М.: ИПВА, 2007. 630 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции, вып. 12)

История русского зарубежья за последние годы сформировалась в одно из приоритетных направлений российской историографии. Раскрыты многие стороны жизни русской эмиграции, подняты огромные пласты документов, показаны непростые, порой, полные драматизма судьбы граждан бывшей Российской империи либо советской России (СССР) на всех континентах мира. Их политические и религиозные взгляды, условия быта, политическая, культурная и научная деятельность, психологическое состояние — все эти проблемы нашли отражение в современной историографии.

Особая страница в российской истории — православное зарубежье, феномен, возникший задолго до Февральской и Октябрьской революций в виде русских духовных миссий в Китае, Корее, Персии, США, приходов и русских церквей в различных странах Западной Европы. После революционных событий 1917 г. российское православие за рубежом приняло масштабные формы, приведшие к возникновению новых православных юрисдикций: Русской православной церкви за границей, Американской православной церкви, получившей автокефалию от РПЦ Московского Патриархата в 1970 г., Архиепископии православных церквей русской традиции в Западной Европе. Возникновение и развитие русского православия вне России привело к необходимости осмысления этого феномена, изучения его истории, механизмов функционирования, отличительных черт, его значения. Начиная с дореволюционной литературы, затем советской, и развивавшейся параллельно с ней в принципиально иных идеологических и мировоззренческих ключах эмигрантской историографии, современных российских и заграничных исследований — история изучения российского православного зарубежья насчитывает уже более столетия. В этом смысле необходимой и весьма актуальной является задача систематизации и классификации литературы и источников по данной проблематике.

Рецензируемое издание — библиографический указатель литературы и источников, вышедших с 1918 по 2006 гг. по теме «Российское православие за рубежом» — блестяще решает эту задачу. Автором-составителем указателя является руководитель Центра по изучению русского зарубежья московского Института военного и политического анализа